ИСЛАМСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЖИХАДА

Ни одна из мировых религий на доктринальном уровне не признает себя агрессивно – воинствующей; все религии, в том числе ислам и христианство**,** проповедуют миролюбие и терпимость к иноверцам. В то же время все мировые религии находят оправдание насилию и войнам с теми, кого считают «чужими» и врагами государства. В определении вопросов войны и мира религиозно – доктринальная интерпретация теологов и священнослужителей так же искусна в своей изворотливости, как и политическая. Подтверждение тому – не прекращающиеся на Земле войны, хотя христианство и ислам проповедуют мир более тысячи лет.

Стереотип воинствующего мусульманина-фанатика, закрепившийся в Европе XIX в., жив и по сей день, разве только образ кровожадного турка с кривой саблей, готового зарезать «неверного» за отказ перейти в ислам, сменился образом мусульманского террориста, экстремиста с зеленой повязкой на голове, вооруженного современным автоматом и готового убивать и взрывать иноверцев.

В российских средствах массовой информации образ врага (кавказца, чеченца, мусульманина) формируется в общественном сознании постоянно, изо дня в день, с помощью мелькающего на экранах телевидения изобразительного ряда, психологически продуманной смены картинок: мусульманский обряд «зикр», боевики с зелеными и черными повязками, развалины городов и человеческие жертвы. Сформированная с помощью средств массовой информации «кавказофобия» и «чеченофобия» усиливается нагнетанием исламофобии.

При конфликтах мусульман с немусульманами с целью отвлечь внимание общества от истинной (политической) сути противостояния используются исламские понятия «джихад» и «газават», что облекает происходящее в религиозную форму. Уже так называемую первую чеченскую войну российские средства массовой информации определяли как «священную войну», якобы объявленную чеченцами России. Особенно много о джихаде стали говорить в период и после разгрома американцами движения «Талибан» в Афганистане и оккупации ими Ирака. При этом во всех случаях объявление джихада со стороны мусульман независимо от того, являются ли они жертвой агрессии или нет, преподносится как угроза мусульман цивилизованному Западу, как проявление экстремизма и терроризма.

В нашу задачу не входит рассмотрение истоков, причин и характера так называемых чеченских войн. Отметим лишь, что в их основе лежит

не религиозный и не этнический фактор, хотя влияние обоих на обстановку в регионе, безусловно, имеет место. Однако не следует преувеличивать влияние религиозного фактора на этнополитические процессы и механически определять любой конфликт между мусульманами и немусульманами как межконфессиональный, как «джихад».

Что же на самом деле представляет собой джихад в догматике и политической практике?

Сложность и емкость понятия «джихад» объясняется во многом историческим переосмыслением его содержания. Поэтому современное понимание джихада невозможно без соотнесения его богословского и юридического толкования с конкретными историческими вехами формирования этой исламской концепции.

Слово «джихад» переводится с арабского как «усилие», «усердие», «рвение» и первоначально не имело прямого отношения к «войне за веру», «борьбе на пути Аллаха». То есть этимология этого слова связана с преодолением трудностей, препятствий, не связанных с религией. Но в словарях, несвободных от идеологических пристрастий, слово «джихад» трактуют однозначно – «борьба за веру». Так, Т.К. Ибрагим и известный арабист-востоковед А.С. Сагдеев пишут: «Джихад (усилие) – борьба за веру (тожд.: джихад фи сабили-ллах – борьба на пути Аллаха). Первоначально под джихадом понималась борьба в защиту и за распространение ислама. В отношении этой борьбы в Коране содержатся неоднозначные указания, отражающие конкретные условия деятельности Мухаммада в мекканский и мединский периоды его жизни…»[1] Далее в словаре говорится: «В разработанных позднее факихами концепциях джихада термин наполняется новым содержанием: проводится различие между «джихадом сердца» (борьба с собственными дурными наклонностями…»[2] Об этих различиях будет сказано более подробно ниже, здесь же следует отметить, что слово «джихад» приобрело значение «борьбы за веру» позже, в период распространения ислама. Нельзя согласиться с утверждением, что «первоначально под джихадом подразумевались главным образом военные действия мусульманского государства»[3].

Чуть раньше А.С. Сагдеев в другой своей работе утверждал, что «джихад» нельзя толковать как чисто религиозное понятие, как «священную войну» мусульман против неверных. «Такое толкование, – отмечал он, – неверно уже хотя бы потому, что любая война, кото-

[1] Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 66.
[2] Там же.
[3] Ислам: Краткий справочник. М., 1983. С. 50.

рую вела мусульманская община, была священной, ибо в ней мирское формально не отделялось от религиозного…»[4]

Понятие «джихад» чаще всего неточно переводят как «священная война». Кроме того, «джихад нельзя интерпретировать как непременно вооруженную борьбу»[5].

Свою, – на наш взгляд, небесспорную – версию джихада выдвигает Монтгомери Уотт. Джихад, по его мнению, – это трансформированный обычай набегов (от араб. «газв» – набег), практиковавшийся кочевыми арабами в доисламские времена. Веками племена бедуинов совершали набеги на соседей, угоняя их скот. После ухода Мухаммада в Медину в 622 г., некоторые из его последователей, особенно те, кто эмигрировал с ним вместе из Мекки, стали принимать участие в подобных набегах. Возможно, чтобы побудить и остальных присоединиться к ним, в Коране говорится о «войне по пути Аллаха». Рассматривая джихад как развитие практики кочевых набегов, можно предположить, что значительную часть его участников вдохновляли материальные, а не религиозные мотивы[6].

Газават и джихад имеют разное этимологическое происхождение. В доисламские времена арабские племена совершали друг на друга набеги (газават) с целью захвата имущества и угона скота, и эти набеги не имели никакого отношения к религии. Впоследствии, в период распространения и утверждения ислама, газават, как и джихад, трансформировался в «борьбу на пути Аллаха».

Считается, что концепция джихада появилась в то время, когда в Аравии шли межплеменные войны и Мухаммад был поставлен перед выбором: или положить конец этим войнам, или разрешить их, подчинив своему контролю. Пророк избрал последний вариант.

Одна из ранних радикальных сект – хариджитов – пыталась превратить джихад в шестой из столпов ислама, но эти попытки не получили поддержки. Три из мазхабов (религиозно-правовых школ) – ханафитский, шафиитский, маликитский (за исключением ханбалитского) считали джихад чем-то обязательным лишь в случае, если выполняются определенные условия, прежде всего условие, что военные действия начинают неверные и что есть обоснованная надежда на успех сторонников ислама.

Современные улемы в Саудовской Аравии в своих фетвах (решениях) расширительно интерпретируют понятие «джихад», опираясь

---

[4] *Сагдеев А.* Джихад // Наука и религия. 1986. № 6. С. 18.

[5] *Мирский Г.* Исламский фундаментализм и международный терроризм // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 6 (18). С. 34.

[6] См.: *Монтгомери У.* Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

на Коран и хадисы. Так, шейх Абд аль-Азиз бин Абдуллах Ибн База, отвечая на вопросы мусульманина, который хочет принять участие в джихаде, но не получает благословения матери, пишет: «Великим джихадом станет для тебя забота о твоей матери. Не покидай ее и оказывай ей благодеяния, однако, если принять участие в джихаде велит тебе правитель, тогда поспеши, поскольку пророк… сказал: "…но если вас призовут, то поспешите"»[7]. Как поясняет далее шейх, если правитель не велит мусульманину участвовать в джихаде, тогда он должен оказывать благодеяние своей матери, жалеть ее, а «…проявление почтительности к ней является великим джихадом, который пророк… поставил выше джихада на пути Аллаха»[8], т.е. войны за веру.

Газават и джихад – понятия, близкие по смыслу, но не синонимы. Разница между этими двумя понятиями заключалась в том, что газават мог объявляться вождями племен, а джихад объявлялся только от имени государства халифом или имамом, т.е. религиозным лидером.

Джихад не входит в число пяти «столпов» ислама: шахада (произнесение формулы исповедания веры), намаз (молитва), хадж (паломничество), ураза (пост), закят (обязательный налог, очистительный налог на движимое и недвижимое имущество, доход).

Как отмечает И.П. Петрушевский, ислам возлагает на верующих религиозную обязанность, которая хотя и не вошла в число пяти «столпов веры», но на практике приобрела в истории ислама не меньшее значение. Это – «война за веру», «священная война» – *джихад*... или *газа, газва*... Учение о джихаде сложилось постепенно[9]. «Зародыш этого учения, – пишет далее ученый, – мы видим в мединских сурах Корана, появившихся в связи с военными действиями мединских мусульман против мекканских язычников и иудейских племен Медины»[10].

Иной точки зрения на «джихад» придерживается переводчик Корана с арабского на английский язык и автор обширных комментариев к аятам (стихам Корана) Маулан Мухаммад Али. Во второй суре (главе), пишет он, теме войны мусульман посвящено шесть стихов (от 191-го до 195-го), в которых «*сражение на пути Аллаха*» понимается как *самооборона*. «Мусульманам предписывалось сражаться "на пути Аллаха", – пишет М.-М. Али, – но лишь против тех, кто на них напал. Такое же ограничение, – отмечает он, – введено, вероятно, и в самом первом откровении, позволяющем вести войну: "Позволя-

---

[7] Ислам против терроризма: Фетвы по вопросам, касающихся тяжких бедствий. М., 2003. С. 180.

[8] Там же. С. 181.

[9] См.: *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках. М., 1966. С. 80.

[10] Там же.

ется воевать тем, на кого идут войной, ибо они угнетены" (22:39)»[11]. Вывод автора: «Отсюда совершенно ясно следует, что мусульманам дозволено браться за меч только для самообороны»[12].

М.-М. Али утверждает: «Именно воевать с целью самозащиты называется "сражение на пути Аллаха". Война с целью распространения своей веры в Коране *не упоминается»*[13] (курсив наш. – *Л.Б.*).

Переводчик Корана не называет «сражение на пути Аллаха» джихадом. Если война на территории противника – это не «сражение на пути Аллаха» и, следовательно, не джихад и если в Коране не упоминается война с целью распространения ислама, то с какой целью воевали арабы-мусульмане за пределами Аравии?

М.-М. Али – ученый, но, как глубоко верующий человек, он не свободен от пристрастий, субъективизма. Чтобы ответить на вопрос, обратимся к немусульманским авторам.

По мнению американского исследователя Р. Армура, только на первый взгляд может показаться, что ислам распространялся военным путем. Он ссылается на мнение историка Бернарда Льюиса, который замечает, что, хотя распространение ислама стало возможным благодаря войне, обращение в ислам с войной не было связано. В Коране сказано: «Нет принуждения в религии» (2:258). Льюис объясняет: «Изначальной целью завоевателей не было навязать ислам силой…»[14]

А вот что писал об арабском завоевании несторианский патриарх другим епископам: «Они не гонят христианскую веру, но скорее поддерживают ее, почитают наших священников… и дают пожертвования на храмы и монастыри»[15].

Хотя мусульмане не требовали, чтобы жители завоеванных стран обращались в ислам, они полагали, что люди со временем непременно сделают это, и верили, таким образом, в то, что ислам в конечном счете распространится по всему миру. Христиане, в свою очередь, тоже полагали, что их вера может распространиться повсюду и охватить всех и вся. И в этом-то заключалась и заключается и поныне одна из причин конфликта между двумя традициями. И те и другие верили и до сих пор верят, что обладают полной и абсолютной ис-

---

11 Священный Коран / Пер. на англ. яз. с введением и комм. Маулана Мухаммада Али // Ахмадийа Анжуман Ишаат Ислам. Лахор, 1997. Комментарий 238. С. 87.
Здесь и далее в скобках первая цифра означает порядковый номер суры (главы Корана), вторая – аята (стиха).

12 Там же.

13 Там же.

14 *Армур Р.* Христианство и ислам: Непростая история. М., 2004. С. 61.

15 См. там же. С. 60.

тиной и должны поэтому ее распространять, не гнушаясь при этом и принуждением[16].

С точки зрения теории джихада весь мир разделяется на «область ислама (*дар ал-ислам*), иначе – «область веры» (*дар ад-дин*), и «область войны» (*дар ал-харб*). «Область ислама» – это любая страна, находящаяся под властью мусульманского правительства и управляемая на основании права (хотя большинство населения может быть здесь и немусульманским). Первоначально «область ислама» совпадала с границами халифата, позднее так именовали все мусульманские государства.

«Область войны» – это все страны, населенные немусульманами – «неверными» или хотя бы и мусульманами, но находящимися под властью «неверных правителей». Некоторые мазхабы признают еще третью категорию земель – «область мира» (*дар ал-сульх*). Это немусульманские страны, управляемые немусульманскими государствами, признавшими себя вассалами и данниками мусульманского государства. В теории считается, что с немусульманскими государствами («область войны») мусульмане находятся в состоянии постоянной войны; допускается лишь заключение временного перемирия на срок до 10 лет, который может быть продлен путем возобновления договора о перемирии[17].

Разные школы мусульманского законоведения спорили о том, следует ли понимать под «войной за веру» *всякую войну с «неверными* (так полагал Абу Ханифа, эпоним, т.е. основатель, ханафитской школы *фикха)* или только войну оборонительную, когда сами «неверные» нападают на мусульман (так полагали остальные суннитские школы, и так, по-видимому, думал сам Мухаммад)[18].

Поскольку большинство мусульман-суннитов в мире являются последователями ханафитской школы, то под «войной за веру» обычно понимается всякая война с немусульманами – «неверными». Так как мусульмане в России в основном являются последователями ханафитской школы (мазхаба), то они также могут рассматривать всякую войну мусульман с немусульманами как «войну за веру» – джихад. Следовательно, остается возможность любой вооруженный конфликт между мусульманами и немусульманами с точки зрения теории джихада (ханафитской школы) рассматривать как «войну за веру».

Джихад рассматривается как обязанность государства, а не личности, хотя радикально настроенными мусульманскими лидерами

[16] См.: *Армур Р.* Указ. соч. С. 64.
[17] См. там же. С. 80–81.
[18] *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках. С. 82.

предпринимались и продолжают предприниматься попытки объявить его обязанностью каждого мусульманина. Другое дело, когда джихад понимается как необходимость духовно-нравственного совершенствования. В этом случае каждый мусульманин обязан бороться с собственными недостатками. Поскольку в исламе отсутствует четкое разделение религии и политики, то политические цели всегда воспринимаются как религиозные, а любая война мусульман против немусульман – как война религиозная.

В западной литературе закрепилось определение джихада как «священная война», война за веру в христианском понимании. Концепция «священная война» разрабатывалась христианскими теологами Аврелием Августином (354–430) и Фомой Аквинским (1225 или 1226–1274), а не мусульманскими улемами. Некорректность такого отождествления заключается в том, что мусульмане не знают «несвященных» войн – все войны, которые ведет исламское государство, воспринимаются ими как войны за веру, даже если побудительным мотивом их развязывания послужили вполне мирские интересы. А воины-мусульмане, исполнившие свой долг и погибшие в бою, причислялись к шахидам – «воинам Аллаха», перед которыми сразу открываются двери рая. В вооруженной борьбе мусульмане выходят победителями в обоих случаях: убили ли они или их убили, ибо сказано в Коране: «И если кто сражается на пути Аллаха и будет убит или победит, Мы дадим ему великую награду» (4:76).

В этом принципиальное различие между понятием «джихад» как «война за веру» и понятием «священная война» (например, крестовые походы) в западном христианстве. Кстати, по учению идеологов крестовых походов, не всякая война против «неверных» (мусульман) была крестовым походом. Как отмечает Г.-Э. фон Грюнебаум, крестоносец сражался ради того, чтобы передать Гроб Господень под защиту христиан; он шел в бой, подстрекаемый Церковью, которая гарантировала ему отпущение грехов и обещала рай в случае гибели. И далее ориенталист пишет, что паломничество и dilatatio regni Christi et ecclesiae (распространение власти Христа и Церкви) в качестве цели и чисто духовные привилегии в качестве награды – таковы были признаки истинного крестоносца. В мусульманском *джихаде* также, по мнению Г.-Э. фон Грюнебаума, целью войны не было насильственное обращение в иную веру[19]. Фундаментальные изменения, которые превратили, как считает ориенталист, оборонительную, «справедливую войну», оправдываемую св. Августином, в религиозную агрессивную

[19] См.: *Грюнебаум Г.-Э., фон.* Классический ислам (6000–1258). М., 1986. С. 148.

войну, произошли в конце первого тысячелетия[20]. Это было связано с мусульмано-христианскими войнами. При этом первым начал папа Сергий IV в 1011 г., призвав христианский мир начать «битву за Господа», а позже папа Урбан II (1088–1099) призвал к крестовому походу для освобождения Святой земли, имея также в виду в качестве долгосрочной цели возвращение власти над восточным христианством, т.е. над Византией, к чему последняя отнеслась с подозрением[21].

Если Г.-Э. фон Грюнебаум считает, что целью джихада не было насильственное обращение неверных в ислам, то другой известный западный ориенталист – А. Массэ, напротив, убежден, что распространение ислама с оружием в руках являлось религиозным долгом. «Война считалась справедливой, если она была предпринята с целью обратить людей в истинную веру»[22], – отмечает он. Для начала военных действий, пишет ориенталист, нужно предложить «неверным» обратиться в истинную веру. Если они дадут согласие, они сейчас же будут приняты в общину (умму) и получат те же права, что и мусульмане, но за вероотступничество они караются смертью. В случае их отказа от обращения возможны два пути: либо спор решается вооруженной борьбой между ними и мусульманами (завоевание путем применения силы – анва); либо они уплачивают налог за то покровительство, которое им окажут мусульмане (завоевание путем капитуляции – сульх)[23].

Различные толкования концепции джихада двумя выдающимися западными ориенталистами свидетельствуют о сложности и неоднозначности самого характера и природы джихада. И среди мусульман тоже нет единодушия. Одни мусульманские богословы и светские ученые рассматривают понятие «джихад» в первую очередь как борьбу с собственными недостатками, другие – как борьбу за веру – распространение ислама с оружием в руках.

Знаменательно, что в понимании «войны за веру» у русского православия больше общего с исламом, нежели с западным христианством. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви (2000 г.) записано: «Наши христолюбивые воины с оружием в руках охраняют Святую Церковь, охраняют государя, в священной особе коего почитают образ власти Царя Небесного, охраняют отечество, с разрушением коего неминуемо падет отечественная власть и поколеблется вера евангельская. Вот драгоценные залоги, за которые до последней капли крови должны сражаться воины, и, если они на поле

[20] См.: *Грюнебаум Г.-Э., фон.* Классический ислам (6000–1258). С. 148.
[21] Там же.
[22] *Массэ А.* Ислам. М., 1982. С. 54.
[23] См. там же. С. 54–55.

брани положат души свои, Церковь причисляет их к лику святых мучеников и нарицает молитвенниками пред Богом»[24].

Символично, что публичное разъяснение позиции Русской Православной Церкви по отношению к воинам и войне появилось в период так называемой второй чеченской войны. Это, видимо, связано с неоднозначными толкованиями природы и характера этой войны, использованием воюющими сторонами религиозной символики и частым употреблением таких понятий, как «газават» и «джихад», которые стали переводить как «священная война».

Доктрина джихада была разработана в трудах по мусульманскому правоведению (фикху), связанных со всеми четырьмя суннитскими мазхабами, и наполнена новым содержанием, в частности типологизацией «джихада» и характеристикой территорий, на которых он действует или может действовать.

В понимании джихада стали проводиться различия: «джихад сердца» – борьба с собственными дурными наклонностями; «джихад языка» – повеление благого и запрет дурного; «джихад руки» – принятие дисциплинарных мер в отношении нарушителей норм нравственности и преступников; «джихад меча» – вооруженная борьба с неверными.

Мусульманские правоведы различают шесть типов джихада в зависимости от того, против кого его следует вести. Во-первых, «джихад» можно вести против «врагов Аллаха», т.е. против тех, кто угрожает существованию мусульманской общины; кто преследует мусульман, а также против язычников; во-вторых, против тех, кто покушается на неприкосновенность границ, т.е. против внешней агрессии; в-третьих, против «притеснителя» (*ал-баги* – притеснитель, властитель-тиран); в-пятых, против разбойников, преступников; в-шестых, против монотеистов-немусульман, отказывающихся платить подать.

Выбор между мечом (смертью) и обращением в ислам предлагался только аравийским язычникам, которые угрожали самому существованию мусульманской общины – уммы. К представителям монотеистических религий (иудеям, христианам и др.) отношение было иным – более терпимым и доброжелательным. Они не были идолопоклонниками и потому могли быть союзниками мусульман. Монотеистические религии считались родственными исламу, хотя и растерявшими «чистоту веры».

В странах за пределами Аравии, куда арабы вторгались впервые, большинство населения принималось ими за монотеистов, поэтому

[24] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень ОВЦС. 2000. № 8. С. 47.

целью джихада было не обращение его в ислам, а подчинение мусульманским порядкам при статусе «покровительствуемых». Все немусульманское население образовывало *ахль-аль-зимми,* куда входили отдельные *зимми* (араб. люди, находящиеся под покровительством), т.е. группы населения, исповедовавшие одну религию, – христиане, иудеи, а также сабии и зороастрийцы. Такой группе предоставлялась внутренняя автономия под руководством патриарха или раввина. С каждого члена группы мусульманскому наместнику выплачивались подушная подать (*джизья*) и прочие налоги в соответствии с договоренностью.

Мусульманское государство брало на себя защиту населения. Положение покровительствуемых было вполне сносным, хотя для них и существовали некоторые ограничения: запрет на ношение оружия, запрет на заключение брака с мусульманкой, запрет на занятие ответственных государственных должностей. Желание зимми стать полноценными гражданами стимулировало не прекращавшийся на протяжении веков переход христиан в мусульманство.

Исламский мир, таким образом, уже на ранних стадиях своего распространения нашел решение проблемы совместного проживания множества различных религиозных общин, положив в его основу уважение к религиозной индивидуальности людей «Писания» (иудеев, христиан), а затем и зороастрийцев. Джихад был направлен против всех неверных, за исключением тех, кто находился под покровительством ислама – зимми, и тех, кто заключил с мусульманами перемирие.

Комментируя положение «людей Писания» (*ахль-аль-китаб*), А.Е. Крымский пишет: «Пока владыками были терпимые арабы, постановления Корана на счет иноверцев не истолковывались общей массой в фанатическую сторону, но после ожесточения, выработанного крестовыми походами, и после перехода первенствующего места в исламе в руки тупонетерпимой тюркской расы положение иноверцев в мусульманских странах сделалось очень тяжелым»[25]. То есть не ислам (Коран) виноват в том, что положение зимми изменилось в худшую сторону, а обстоятельства и субъективные причины.

Согласуясь с исламской доктриной, разработана концепция сосуществования мусульман и немусульман (иудеев, христиан и зороастрийцев) в исламском государстве. Она действует до сих пор, не позволяя межрелигиозным противоречиям на доктринальном уровне перерасти в серьезные межрелигиозные конфликты и войны. Этот факт отмечают многие западные ориенталисты. Так, Р. Армур пишет: «Практика

[25] *Крымский А.Е.* История мусульманства. М., 2001. С. 270.

разрешения христианам и иудеям («народам Писания»), как и другим, сохранить свою веру, хотя и с ограничениями, была одной из *поразительнейших* (курсив. – *Л.Б.*) черт мусульманства»[26]. И далее: «Мусульман, живущих среди христиан, можно терпеть, поскольку они еще могут обратиться, но война против внешних мусульман вполне обоснована. Как мы видим, в этих христианских теоретических выкладках опять отражен тот же взгляд на мир, что и у мусульман с делением земли на дар аль-ислам и дар аль-харб. При рассмотрении этих двух точек зрения вырисовывается прелюбопытная картина – мусульманские и немусульманские страны – для мусульман, а христианские и нехристианские страны – для христиан»[27].

С понятием джихада связано проводимое в исламе, как уже отмечалось, деление мира на две части: на земли ислама (дар аль-ислам) и земли войны (дар аль-харб). Шииты называют третью категорию земель – «земля перемирия» (*дар ас-сухах, дар аль-ахд*), имея в виду земли неверных, согласившихся платить мусульманам подать деньгами или натурой. Ханафиты такие земли считают «землями ислама».

Основополагающие принципы правовой системы ислама, касающиеся вооруженных конфликтов, как межгосударственных, так и внутренних, сводятся к следующим: 1) воспрещение крайних мер, эксцессов, вероломства и несправедливости в какой бы то ни было форме; 2) воспрещение причинения противнику дополнительного зла, будь то убийство, жестокое обращение или наказание; 3) возбранение ничем не оправданных разрушений, особенно уничтожение посевов; 4) запрет на использование отравленного оружия и на учинение массового и ничем не ограниченного разрушения; 5) необходимость проводить различие между участвующими в войне людьми (в мусульманских войсках им полагалось иметь отличительные знаки) и гражданскими лицами, непосредственно не вовлеченными в военные действия; 6) воспрещение чинить насилие над выбывшими из строя (раненые, военнопленные и т.д.); 7) необходимость гуманного обращения с плененными, которые подлежат обмену или одностороннему освобождению по окончании войны, если в руках противника не останется ни один мусульманин; 8) долг защищать мирное гражданское население, уважение к его религии и священникам, незаконность убийства заложников и насилия над женщинами; 9) утверждение личного характера ответственности – воспрещение наказывать людей за преступления, которых они

[26] *Армур Р.* Указ. соч. С. 61.
[27] Там же. С. 117.

сами не совершали; 10) незаконность обоюдного причинения зла и репрессий, которые противоречили бы основным гуманным принципам; 11) сотрудничество с противником в осуществлении гуманных мероприятий; 12) осуждение всех действий, противоречащих заключенным мусульманами договорам[28].

Джихад был направлен против всех неверных, за исключением тех, кто находился под покровительством ислама, – зимми, и тех, кто заключил с мусульманами перемирие. «Прокламируя в отношении ведения военных действий универсальные правила, – пишет современный исламский теолог М.А. Буазар, – ислам, таким образом, может гордиться тем, что никогда не знал систематически проводимого геноцида или концентрационных лагерей, и теперь еще характеризуется умеренностью и мудростью, коими способен принести пользу человечеству»[29].

Многие мусульманские богословы и ученые акцентируют внимание на оборонительных аспектах концепции джихада. Одним из них является уже упомянутый Маулан Мухаммад Али. В его комментариях ислам предстает как религия миролюбия и терпения, как вера, основанная на стремлении к убеждению, но не к принуждению. Он пытается разрушить укоренившийся стереотип, что Коран проповедует нетерпимость, а Мухаммад якобы учил своей вере с мечом в одной руке и с Кораном – в другой. Это не соответствует истине, отмечает ученый, «достаточно вспомнить хотя бы столь существенный принцип ислама, как вера во всех пророков мира, чтобы понять, насколько ложным является это утверждение»[30]. И добавляет: «...никак нельзя приписать нетерпимость книге (Корану. – *Л.Б.*), которая целиком и полностью исключает принцип принуждения из сферы религии»[31]. В подтверждение своих слов он приводит аят: «Нет принуждения в религии...» (2:256).

Комментируя аяты Корана (22:39, 40, 139; 8:39, 61,62; 2:192, 193), ученый пишет, что Коран разрешает мусульманам вести вооруженную борьбу, но не для того, чтобы принудить неверующих принять ислам. Это противоречило бы тем принципам широты и терпимости, на основе которых формировалось, воспитывалось мусульманское мировоззрение. Целью борьбы мусульман было «утверждение свободы религии, прекращение религиозных гонений, защита домов, служащих для совершения богослужения (при этом имеются в виду храмы всех религий), в том числе и мечетей»[32]. Об этом свидетельствует

[28] См.: Ислам и вопросы войны и мира. М., 1981. С. 45–46.
[29] Там же. С. 46.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] Там же. С. XXXVIII.

стих Корана: «А если бы Аллах не отражал одних людей с помощью других, то монастыри, церкви, синагоги и мечети, в которых много поминается имя Аллаха, все были бы разрушены…» (22:40).

Таким образом, заключает переводчик Корана, «позволение сражаться дано тем, *против кого ведут войну***,** ибо угнетены они, и Аллах поистине может помочь им, тем, *кого изгоняют из своих домов без справедливой причины, лишь за то, что говорят они: "Господь наш – Аллах"* (22:39,40)»[33].

Противники и сторонники джихада ссылаются на одни и те же стихи Корана, но интерпретируют их по-разному: одни – как призыв к насилию, другие – как вынужденную меру – защиту. Например: «А когда пройдут священные месяцы, убивайте идолопоклонников, где бы вы их ни нашли, берите их в плен, осаждайте их, устраивайте на них засады. Но если раскаются они, будут творить молитву и платить налог на бедных, то оставьте дорогу их свободной. Воистину, Аллах – Прощающий, Милосердный» (9:5)

Из этого стиха следует, что мусульманам по истечении четырех месяцев, до истечения которых запрещается вести военные действия, приказывается уничтожать многобожников повсеместно. Пощада может быть только в случае покаяния, верования и подтверждения веры фактическими действиями: совершение обязательной молитвы и выплата налога (закята) в пользу неимущих.

На первый взгляд этот аят призывает к непомерным жестокостям. Но вот как комментирует его один из наиболее радикальных мусульманских богословов – идеолог «исламского экстремизма» Сайд Кутба: «Явно видно из контекста, что призыв к убийству не является общим в отношении всех многобожников и неверных, а касается именно многобожников, которые воевали с мусульманами, затем заключили соглашение о перемирии и через какое-то время нарушили его. Данный аят никак не ограничивает и не аннулирует такие общие положения, как отсутствие принуждения (2:256), призыв к пути Господа с мудростью и хорошим увещеванием (16:125), призыв к ведению спора наилучшими по рациональности, гуманности и справедливости методами и т.д. (29:46 и 16:125)… В суре же "Ат-Тауба" (покаяние) говорится: "…пока они прямы по отношению к вам, будете и вы прямы к ним, ведь аллах любит богобоязненных" (9:7)»[34].

---

[33] Ислам и вопросы войны и мира. С. XXXVIII.

[34] Цит. по: Шамиль Аляутдинов, имам Московской мемориальной мечети на Поклонной горе // Мусульмане: Духовно-просветительный журнал. 2000. № 1 (4), февраль – март. С. 57.

Таким образом, человек, которого считают одним из основателей современного экстремистского движения, не рассматривает джихад как призыв к насилию, а считает его вынужденной мерой защиты мусульман от противника.

Идеолог исламского фундаментализма Абуль Аль-Аля Аль-Маудуди пишет: «Хотя защита Ислама и не является основным принципом, важность ее и необходимость неоднократно подчеркиваются в Коране и в Хадисе. Это своего рода тест на преданность Исламу»[35]. То есть из этого вытекает, что джихад не является одним из «столпов» ислама, хотя и играет существенную роль в исламской концепции защиты веры: «Джихад представляет собой часть всеобщей защиты Ислама и означает борьбу до последней капли крови. Человек, который осуществляет свои физические и духовные усилия или свое богатство по пути Аллаха, является вовлеченным в джихад. Но на языке Шариата это слово (джихад. – *Л.Б.*) употребляется для войны, которая ведется во имя Аллаха, против тех, кто является врагом Ислама»[36]. И далее: «Наивысшее пожертвование жизнью распространяется на всех мусульман»[37]. Вместе с тем если часть мусульман участвует в джихаде, то другая часть освобождается от участия в нем, но если никто не хочет участвовать в джихаде, «то каждый член общины виноват»[38]. И наконец, автор прямо заявляет: «Джихад является такой же обязанностью мусульманина, как и ежедневная молитва и пост. Тот, кто уклоняется от этого, является грешником»[39].

Как видим, Маудуди проявляет непоследовательность и противоречивость в оценке роли джихада в жизни мусульманина: с одной стороны, он считает, что джихад не является обязанностью мусульманина, а с другой – джихад приравнивается к молитве и посту, т.е. к «столпам» ислама.

Своеобразно подается проблема джихада в книге хадисов «Сады праведных: Из слов Господина посланников». В главе «О достоинстве Джихада» приводятся шесть аятов из разных сур Корана, характеризующих разные типы джихада. Из них следует, что джихад совершают не только те, кто погибает «на пути Аллаха», но и те, кто жертвует своим имуществом.

Что же касается хадисов о достоинстве джихада, пишет составитель сборника имам Мухийа-д-Дин Абу Закарийа бин Шариф ан-Навави

---

[35] *Абул Аль-Аля Аль-Маудуди*. Основы ислама. М., 1993. С. 100.
[36] Там же. С. 101.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] Там же.

(631–676 гг./1233–1277 гг. н.э.), то их больше, чем можно счесть[40]. Автор приводит 67 хадисов, составленных известными хадисоведами (аль-Бухари, Муслим, Абу Дауда, ат-Термизи), в которых говорится, какие действия или намерения можно считать джихадом. Причем автор никак не комментирует их: не пытается смягчить или усилить высказывания пророка, как это делают многие мусульманские улемы.

Кроме того, подбор хадисов свидетельствует о том, что составители – издатели книги не проводят различие между «большим» и «малым» джихадом. Так, Мухаийа-д-Дин не приводит ни одного хадиса, призывающего бороться со своими собственными недостатками, т.е. о так называемом большом джихаде.

Мусульманские богословы часто цитируют слова, приписываемые Мухаммаду: «Мы вернулись с малого джихада (военного похода. – *Л.Б.*), чтобы приступить к джихаду великому», т.е. духовному очищению, нравственному самосовершенствованию. Духовно-нравственное самосовершенствование мусульман считалось более трудным, а значит, и более достойным делом, чем война с неверными.

В.С. Соловьев, написавший книгу «Магомет, Его жизнь и религиозное учение», приводит следующие аяты Корана: «Сражайтесь с врагами вашими и на войне за веру, но не нападайте первыми: Бог ненавидит нападающих. Убивайте врагов ваших везде, где найдете их; изгоняйте их оттуда, откуда они вас изгоняли. Отступничество хуже убийства. Не сражайтесь с ними у святого храма, разве только они вызовут вас. Если нападут на вас, – купайтесь в крови их. Такова награда неверных. Если покинут заблуждение свое – Господь снисходителен и милостив. Сражайтесь с врагами, доколе нечего будет бояться соблазна, – доколе не утвердиться Ислам. Да прекратится всякая вражда против покинувших идолов. Ваша ненависть да воспламеняется только против превратных. Если нападут на вас в священном месте, – и в священном месте воздайте им тем же» (сура II, 186–190)[41]. Философ дает к ним примечательные комментарии: «При всей ожесточенности тона в этом воззвании слова "*сражайтесь с врагами, доколе нечего будет бояться соблазна, – доколе не утвердиться Ислам*" – ясно показывают, что священная война была для Мухаммеда религиозно-политической мерой, временно необходимой, а никак не постоянным религиозным принципом»[42].

---

[40] См.: Сады праведных: Из слов Господина посланников / Сост. имам Мухийа-д-Дин Абу Закарийа Бин Шариф ан-Навави (631–676 гг./1233–1277 гг. н.э.) / Пер., прим. и указ. Абдуллы (В.М. Нирша). М., 2001. С. 549.

[41] Цит. в переводе В.С. Соловьева из: *Соловьев В.С.* Магомет: Его жизнь и религиозное учение. Талмуд. Алма-Ата, 1991. С. 56.

[42] Там же. С. 56.

Философ-христианин считает, что Коран не призывает к насильственному обращению инаковерующих в ислам. В доказательство он приводит аят: «Не делайте насилия людям из-за их веры…» (L, 44).

Иного мнения о Мухаммаде и о характере джихада придерживается А.И. Агрономов, автор книги «Джихад: священная война мухаммедан». «“Священная война”, – пишет он, – является центром, в котором объединились все страсти Мухаммеда: честолюбие, эгоизм, властолюбие, мстительность и проч…»[43] И далее: «В Коране “священная война” обозначается словами: *джихад,* т.е. война за веру, сражение на пути Божием; *джихад филлаги,* т.е. сражение ради Бога. Под этими выражениями разумеется вообще война мухаммедан за ислам, как единую истинную религию, которая должна существовать на земле»[44].

В отличие от В.С. Соловьева, который считал «священную войну» не постоянным религиозным принципом, а временной политической мерой, А.И. Агрономов, напротив, полагает, что «Коран законодательный источник войны…»[45]

В своей работе «История мусульманства» А.Е. Крымский публикует очерк голландского ориенталиста XIX в. Р. Дози под названием «Исламское вероучение и богопочитание». Комментируя позицию зарубежного ориенталиста по поводу джихада, он пишет: «Мнение, которого долго держалась об этом (о джихаде. – *Л.Б.*) Европа, не совсем точно: Коран не заключает в себе ни одного приказания, которое, если внимательно следить за течением мыслей, предписывало бы войну против *всех* неверных… священная война вменяется в обязанность только в том единственном случае, когда враги ислама оказываются *нападающими*; если кто-нибудь понимает предписания Корана иначе, то виновато в этом произвольное толкование богословов…»[46]

Русский исламовед подчеркивает, что и сам Мухаммад имел в виду только оборонительную войну, а не наступательную, что он не предписывал обращать «людей Писания» в ислам насильно и что это совершенно ясно для всякого, кто будет читать Коран без предубеждения[47]. Далее: «Даже противомусульманские миссионеры не навязывают Мухаммеду наступательности. См., например, “Ислам” *И. Гаури* (Hauri) в рус. пер. (Ташкент, 1893). С. 94…»[48]. Здесь же автор дает весьма любопытное примечание по поводу рассуждения о джихаде уже упомя-

[43] *Агрономов А.И.* Джихад: «священная война» мухаммедан. М., 2002. С. 49.
[44] Там же. С. 71.
[45] Там же. С. 78.
[46] *Дози Р.* Исламское вероучение и богопочитание // *Крымский А.Е.* История мусульманства. М., 2003. С. 270.
[47] Там же.
[48] Там же. С. 271.

нутого нами выше А. Агрономова: «…в своем (А. Агрономов. – *Л.Б.*), правда, *ненаучном* (курсив наш. – *Л.Б.*) «Мухаммеданском учении о войне с неверными» (Казань, 1874. Вып. XIV противомусульманского сб. С. 123) принужден сознаться, что прямого повеления начинать войну с неверными у Мохаммеда найти нельзя, но *можно* истолкавать предписания Корана и двусмысленно»[49].

А.Е. Крымский высказывает сожаление по поводу того, что богословско правовая школа Абу Ханифы «действительно истолковывала слова Корана в смысле войны наступательной и признала насильственное обращение христиан и евреев в ислам за дело богоугодное»[50], в то время как Коран говорит об оборонительном джихаде.

В отличие от В.С. Соловьева и А.Е. Крымского М. Вебер, разделяя стереотип западной ориенталистики о природе и характере джихада и в целом о Мухаммаде, подходит к проблеме джихада издалека, подчеркивая при этом несамостоятельность Мухаммада в своем учении о борьбе за веру, его зависимость от иудаизма. По мнению М. Вебера, концепция борьба за веру предполагает существование единого бога и нравственную порочность не верующих в него, его врагов, чьи безнаказанные поступки вызывают его справедливый гнев. Поэтому эта концепция отсутствует в античности на Западе и во всех религиях Азии, кроме зороастризма. Но и в нем еще нет непосредственной связи между борьбой с неверием и обетованиями религии. Она появляется только в исламе. Как пишет далее М. Вебер, «преддверием к этому и, вероятно, также образцом были обещания иудейского бога своему народу так, как их понял и перетолковал Мухаммад, после того как он из благочестивого главы религиозной общины в Мекке превратился в подеста (высшее должностное лицо. – *Л.Б.*) Ятриб – Медины и окончательно был отвергнут иудеями в качестве пророка. Войны израильтян во главе со спасителями, которым помогал Яхве, вошли в традицию как “священные” войны»[51].

М. Вебер отмечает, что священная война, т.е. война во имя бога с целью покарать святотатство, и ее цель – полное уничтожение врагов со всем их имуществом, не чужда античности, в частности грекам. Но специфической чертой иудейских войн было то, что народ Яхве, его община, утверждал среди врагов его престиж. После того как Яхве

---

49 *Дози Р.* Исламское вероучение и богопочитание // *Крымский А.Е.* История мусульманства. С. 271.

50 Там же.

51 *Вебер М.* Социология религии (типы религиозных сообществ) // Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии: К XVI Международному конгрессу исторических наук. Штутгарт, 1985. С. 160.

стал универсальным богом, пророками и авторами псалмов была создана новая интерпретация его обещаний: теперь уже речь идет не о владении обетованной землей, а о возвышении Израиля в качестве народа Яхве над всеми народами, которые когда-нибудь будут вынуждены служить Яхве и лежать у ног Израиля. По мнению М. Вебера, Мухаммад вывел из этого требование религиозной войны вплоть до подчинения неверных политической власти и экономическому господству верующих в Аллаха. Уничтожения побежденных, если они исповедуют книжную религию, не требуется; напротив, в финансовом отношении полезно сохранить им жизнь. Лишь христианская война за веру проходит под девизом Августина «coge intrare» (заставь «войти» – в истинную веру (лат): перед неверными или еретиками стоит выбор – обращение или смерть[52].

По мнению немецкого социолога, мусульманская война за веру была предприятием, рассчитанным на удовлетворение интересов феодалов посредством захвата земель в еще большей и явной мере, чем действие крестоносцев, которым, впрочем, папа Урбан II не преминул очень отчетливо объяснить, что экспансия на восток необходима для обеспечения ленами их потомков[53]. М. Вебер приходит к выводу: «Религиозная заповедь священной войны требует в первую очередь не обращения, а покорения народов, исповедующих чуждые религии, “пока они не станут смиренно платить дань”, т.е. пока ислам не станет по своему социальному престижу первым в мире, господствующим над теми, кто исповедует религии…»[54] Таким образом, М. Вебер, отдавая дань стереотипному мнению об агрессивном характере ислама, является одним из тех, кто формирует подобное мнение у европейского обывателя.

В Коране содержится четкое условие, при котором мусульмане должны вести вооруженную борьбу: «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается против вас, а пределов не преступайте, ибо Аллах не любит тех, кто преступает пределы» (2:190). Таким образом, Коран разрешает сражаться лишь для того, чтобы защитить мусульман от врагов. Однако от вооруженной борьбы следует отказаться, как только минует опасность.

О миролюбивом характере ислама, по мнению Маулана Мухаммада Али, свидетельствует следующий аят Корана: «*И если склоняются*

---

52 *Вебер М.* Социология религии (типы религиозных сообществ) // Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии: К XVI Международному конгрессу исторических наук. С. 160.

53 См. там же.

54 Там же. С. 323.

они (враги ислама. – *Л.Б.*) *к миру, то склонись и ты к нему и доверься Аллаху...»* (8:61,62).

В трудах современных исламских теологов можно встретить понятие «народный джихад» – война мусульманского народа против колонизаторов, в роли которых выступали исключительно христианские государства. «Народный джихад» провозглашался общепризнанным духовным лидером. Причем объявление джихада – весьма сложная процедура, накладывающая на духовного лидера огромную личную ответственность перед мусульманской общиной. Джихад может быть объявлен только тогда, когда угроза мусульманской общине очевидна и война является последним аргументом для сохранения жизни мусульман. Один из аятов Корана гласит: «И воздаянием зла – зло, подобное ему. Но кто простит и уладит, – награда его у Аллаха. Он ведь не любит несправедливых!» (42:38).

Экспансионистские ноты в толковании слова «джихад» ныне слышны у радикальных фундаменталистов, призывающих правоверных не только защитить, но и распространить ислам по всему миру. К таким относится преподаватель и руководитель благотворительного фонда «Дар аль-Хадис» («Земля Хадисов») в Мекке (Саудовская Аравия) Мухаммад бин Джамиль Зину, который в своей книге «Исламская акида (вероучение, убеждение, воззрение) по Священному Корану и достоверным изречениям пророка Мухаммеда» призывает с помощью джихада повсеместно утвердить ислам. Он делает акцент на понимании джихада как борьбы за веру, обращенной против многобожников и мусульман, «отступивших» от принципов «чистого» ислама.

По глубокому убеждению радикального ваххабитского миссионера, исламскую акиду (араб. вера, догма) и единобожие (таухид) необходимо утверждать не только убеждением, сколько принуждением, осуществляя «джихад меча» – вооруженную борьбу против всех (в том числе мусульман), кто помешает столь радикальным методам насаждения этой религии. Автор открыто, даже не пытаясь как-то завуалировать, демонстрирует свои милитаристские взгляды. Если отвлечься от общих рассуждений по поводу того, на какие типы подразделяется джихад (см. выше), а обратиться прямо к сути его высказываний, то она заключается в следующем: джихад (священная война) – это «вершина столпов религии, и его ведение обязательно для каждого дееспособного мусульманина»[55]. И далее: «Ни один здравомыслящий

[55] *Мухаммад бин Джамиль Зину*. Исламская кида (вероучение, убеждение, воззрение) по Священному Корану и достоверным изречениям пророка Мухаммада. Баку, 1995. С. 45.

мусульманин не сомневается в необходимости ведения джихада всеми мусульманами огнем и мечом…»[56]

В подтверждение своего тезиса Мухаммад бин Джамиль Зину приводит стих Корана: «И ведите против них великий джихад с помощью Корана» (25:53).

По утверждению Маулана Мухаммада Али, слово, «джихад» в данном стихе имеет принципиально иной смысл: «*Джихад*, согласно этому стиху, – любое усилие, направленное на распространение Истины, оно названо *джихад кабир,* т.е. "Великий джихад". Война в защиту религии получила имя *джихад,* потому что обстоятельства сложились так, что иначе Истина не смогла бы выжить и преуспеть. Если бы война была запрещена, Истина, несомненно, погибла бы. Все комментаторы согласны, что здесь значение этого слова таково»[57], т.е. речь идет о защите мусульман, ислама от вражеского нападения. Что касается понимания джихада как вооруженной борьбы против неверующих (иноверующих) с целью принуждения их принять ислам, то это, по мнению переводчика Корана, «чистый миф, нечто Священному Корану неведомое и чужое»[58].

Главный вывод, который напрашивается из рассуждений Мухаммада бин Джамиль Зину: во имя исламской акиды и таухида можно вести вооруженную борьбу, поскольку только так исламское единобожие способно распространиться и утвердиться во всем мире. Словом, автор считает допустимым джихад как объединение всех мусульман на вооруженную борьбу за утверждение идеологии ислама (читай: радикального ваххабизма).

По глубокому убеждению ваххабитского миссионера, исламскую акиду и единобожие необходимо утверждать не столько убеждением, сколько принуждением, осуществляя «джихад меча» против всех (в том числе и мусульман), кто помешает столь радикальным методам насаждения этой религии.

Таким образом, среди мусульманских богословов и светских ученых понятие «джихад» получило неоднозначное толкование. Радикальные исламские фундаменталисты и так называемые ваххабиты трактуют его однозначно – как вооруженную борьбу с целью распространения и утверждения ислама во всем мире, установления исламского государства; реформаторы-модернисты рассматривают джихад как усилие, направ-

---

56 *Мухаммад бин Джамиль Зину*. Исламская кида (вероучение, убеждение, воззрение) по Священному Корану и достоверным изречениям пророка Мухаммада. Баку, 1995. С. 45.
57 *Маулан Мухаммад Али*. Указ. соч. Комментарий 1793. С. 719.
58 Там же. Комментарий 238. С. 87.

ленное на нравственное совершенствование общества, достижение социально-экономических успехов. Наконец, принципы, содержащиеся в Коране и Сунне и интерпретируемые в качестве норм международных отношений в вопросах войны и мира, многие мусульманские богословы считают возможным и необходимым положить в основу отношений между государствами не только в рамках мусульманского мира, но и в масштабе всего международного сообщества.

Словом, джихад, трактуемый радикальными мусульманскими богословами и ангажированными светскими учеными однозначно как вооруженная борьба за утверждение ислама, далеко не однозначное понятие, которое может трансформироваться согласно духу времени.

В современных условиях мусульманские богословы чаще всего трактуют джихад как борьбу за претворение в жизнь программ социально-экономического развития, нравственного оздоровления общества.

Обобщая позицию ислама по вопросам войны и мира, смысл и содержание исламской концепции джихада, можно отметить следующее:

джихад может быть использован как мобилизующая сила, как лозунг борьбы с немусульманами, независимо от характера и причин военно-политического конфликта: любое кровопролитие, совершенное на территории традиционно исламского народа, против мусульман, изгнание мусульман из их домов, уничтожение мусульманских жилищ, попрание мусульманского образа жизни и чести мусульманских женщин – все это достаточные основания для джихада не только со стороны пострадавших от конфликта, но и со стороны представителей всей исламской уммы, т.е. других мусульманских государств. У мусульман исламского мира считается благом оказание любой помощи своим собратьям, ведущим джихад;

провокации военно-политического характера (например, угрозы бомбардировок чужих территорий), однозначная поддержка агрессии другого государства, какими бы мотивами эта агрессия ни оправдывалась, могут втянуть Россию в конфликт с исламским миром, значение которого (экономическое, политическое, духовное) объективно возрастает и который способен стянуть к границам Российской Федерации мощные силы исламского радикализма. Позитивные перспективы России могут быть обеспечены только при условии мира с исламскими государствами и кардинального изменения внутренней политики в отношении ислама.

Согласно социальному учению ислама, джихад может объявить человек, наделенный властью над мусульманской общиной. Коран указывает три уровня власти: Аллах, его посланник Мухаммад и должно-

стное лицо (улу-л-амр), наделенное властью. Им должны повиноваться верующие: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас» (Коран, 4:59). Кроме того, если правитель толкает на дела неугодные Богу, то народ вправе его ослушаться. Такое право выводилось из понимания исламского правления в качестве двустороннего договора между правителем, с одной стороны, и мусульманской общиной, – с другой. В качестве богоугодного пути решения вопросов управления признавался принцип совещательности (аш-шура), т.е. приоритета не единоличного, но общего мнения (при сохранении права принятия окончательного решения не большинством голосов, а мудрейшим). В мусульманском праве основательно и детально описаны порядок и процедура выбора главы государства, обозначены его функции и обязанности. Другое дело, что на практике это право часто нарушается.

Безусловно прав знаток мусульманского права – шариата – Л.Р. Сюкияйнен, который отмечает: «Свои преступления лидеры крайних экстремистских мусульманских организаций стремятся идеологически обосновать исламской концепцией джихада и отношения к неверным»[59].

Проблема джихада в условиях современной России перестала быть чисто богословской и приобрела ярко выраженный политический характер. Поэтому до сих пор серьезного обсуждения ее на богословском уровне применительно к событиям на Северном Кавказе не было. В то же время радикально настроенные мусульманские богословы и не только богословы, но и ученые и политики внутри страны и за рубежом продолжают трактовать военные действия в Чеченской Республике в категориях газават – джихад.

В заключение следует отметить следующее. В последнее время наряду с понятием «джихад» широкое распространение получили понятия «шахид», «шахидка» в связи с террористическими актами, совершенными юношами и девушками. Считается, что их совершают религиозные фанатики, жертвующими своими жизнями во имя веры, чтобы попасть в рай. Действительно, в Коране есть стихи, которые можно интерпретировать как призыв пожертвовать жизнью ради утверждения ислама. Так, в нем говорится: «И не говорите о тех, кто погиб на пути Аллаха, как о мертвых. Нет, живы (они), но вы не постигнете» (2:154).

Шахидами в исламской догматике считается не только тот, кто погиб в бою с неверными. В хадисах подробно говорится о том, кто такие шахиды. Так, в одном из них говорится: однажды посланник (пророк

[59] Ислам Минбаре («Трибуна Ислама») – Общероссийская газета Духовного управления мусульман европейской части России. 2001. Декабрь. № 12 (83).

Мухаммад) спросил своих сподвижников: «Кого из вас вы считаете шахидами?» Они сказали: «О посланник Аллаха, кого убили на пути Аллаха, тот и является шахидом». На это пророк сказал: «В таком случае мало будет шахидов в моей общине!» На вопрос сподвижников: «Кто же они тогда, о посланник Аллаха?» – пророк ответил: «Убитый на пути Аллаха является шахидом, и умерший на пути Аллаха является шахидом, и умерший от чумы является шахидом, и умерший от болезни живота является шахидом, и утонувший является шахидом»[60]. Шахидом считается и погибший при защите своего имущества.

© Баширов Л.А.

[60] Сады праведных: Из слов Господина посланников… С. 570–571.